П. М. Хваджаева

БЫТ РАБОЧИХ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Работа представлена кафедрой археологии и этнологии Дагестанского государственного университета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С. С. Агаширинова

В статье рассматривается чрезвычайно тяжелое положение рабочего класса, служившее одним из тормозящих факторов в развитии только набиравшей силу промышленности Дагестана в дореволюционный период. Такое положение было обусловлено политикой национальной и половозрастной дискриминации, которая неуклонно проводилась в Дагестане в рабочем вопросе.

Ключевые слова: Дагестан, промышленность, рабочий, ручной труд, промысел, сезонный заработок, «Каспийская мануфактура», отходничество.

The paper deals with extremely hard labor conditions of workers in Dagestan, which served as an obstacle to the industrial development of the region at the pre-revolutionary period. They were caused by the policy of national, gender and age discrimination conducted in Dagestan.

Key words: Dagestan, industry, working people, manual labor, handicraft, seasonal work, «Caspian manufactory».

Промышленность в конце XIX в. в Дагестане была развита весьма слабо и находилась лишь на стадии возникновения. Развитие промышленности в Дагестане сопровождалось ростом ее концентрации. Данные, приведенные И. Р. Нахшуновым на основании статистических материалов, помещенных в «Кавказских календарях» и в «Обзорах Дагестанской области», показывают, что в обрабатывающей промышленности (без рыбной) за период с 1896 по 1900 г. число рабочих на одно предприятие увеличилось в 2 раза, а выработка продукции почти в 5 раз. Однако, несмотря на сравнительно высокие темпы роста производства и концентрации промышленности в Дагестане, эта отрасль хозяйства здесь находилась на более низком уровне развития, чем в России в целом.

По выработке промышленной продукции на душу населения Дагестан отставал от России в целом в 2,5 раза, а по степени концентрации промышленности почти в 3 раза и в 2 раза по выпуску продукции на одно предприятие [8, с. 2].

Такова в общих чертах была промышленность, которая в 1913 г. выпускала продукцию (в довоенных рублях) на 13 381,7 тыс. руб. (или в неизменных ценах 1926/27 гг. около 20,0 млн руб.), в том числе [6, с. 341]:

– рыбная промышленность выпускала продукцию на 8713 тыс. руб.

– консервная – на 2430 тыс. руб.

– текстильная – на 1932 тыс. руб.

– прочая промышленность – на 246,0 тыс. руб.

Промышленное развитие Дагестана сильно отставало от общероссийского. В то время, когда по всей России в целом удельный вес промышленной продукции в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства составлял 42,1%, в Дагестане он был лишь 20% [6, с. 346].

Одним из многих тормозящих факторов в развитии промышленности Дагестана явилось чрезвычайно тяжелое положение рабочего класса в дореволюционный период.

Накануне Первой мировой войны в Дагестане числилось 4–5 тыс. постоянных

и 15–17 тысяч сезонных рабочих [5, с. 120]. Такое положение объяснялось тем, что основные отрасли промышленности Дагестана: рыбная, консервная и винодельческая, а также кирпично-черепичная и известковая, являлись сезонными, и на их долю приходилось свыше 84% всей промышленной продукции [10, с. 8].

Постоянные кадры рабочих Дагестана составляли в основном пришлые из внутренних губерний России, а процент постоянных рабочих-дагестанцев был совершенно незначителен. Так, например, на текстильной фабрике в 1911 г. из рабочих 20,1% составляли дагестанцы, а в 1914 г. – 23,2% [4, с. 45] .

Среди сезонных рабочих процент дагестанцев был выше.

По данным, приводимым Г. И. Миловановым, процент дагестанцев на рыбных промыслах в 1912 г. составлял: в петровских водах 23,5%, в теркемейских – 25,7%, в дербентских – 36,2%. Причем всего рабочих на промыслах, работавших на сельди, было 1583 чел., из них русских 7641 чел. (48,3%), дагестанцев – 4593 чел. (29%) и иранцев – 3597 чел. (22,7%) [7, с. 62].

В консервной и винодельческой промышленности процент дагестанцев был больше, но все же на предприятиях консервной и винодельческой промышленности работали и русские рабочие (особенно в Дербенте, Петровске, Темир-Хан-Шуре), которые приезжали из разных городов России. Большой коллектив постоянных рабочих работал на фабрике «Каспийская мануфактура. Прежде всего он состоял из квалифицированных русских рабочих, которые были приглашены из центральной России, но все же там работали и представители местных национальностей, особенно те участки, которые требовали большую квалификацию, были заняты русскими рабочими, а в остальных работали и русские и местные дагестанцы. Обычно дагестанцы работали в прядильном и ткацких цехах и на подсобных работах. Число рабочих на фабрике непрерывно менялось. На фабрике широко применялся детский и женский труд.

Немало дагестанцев работало и на остальных промышленных предприятиях Дагестана. Особенно на кожевенном заводе в Темир-Хан-Шуре, на бондарных заводах и других предприятиях. Большой школой подготовки квалифицированных рабочих кадров дагестанцев явился нефтепромышленный район Баку, куда приезжали особенно лезгины из Самурского и Кюринского округов. Они работали на нефтепромыслах, на механических и нефтеперегонных заводах и т. п. Количество только нефтепромышленных рабочих лезгин в 1903 г. видно из табл. 1 [4, с. 50].

Таблица 1

Распределение нефтепромышленных рабочих в г. Баку по национальностям

Наименование национальностей	Данные бюджетного наблюдения		Массовые данные, %	
	абс.	%	1903 г.	1913 г.
Русские	717	31,9	25,6	24,7
Армяне	503	22,4	24,1	20,6
Грузины	40	1,8	0,8	0,8
Казахские татары	165	7,4	5,7	4,7
Лезгины	139	6,2	8,4	9,2
Кавказские татары	254	11,3	12,2	9,2
Персы	393	17,5	20,5	28,3
Прочие	33	1,5	2,7	2,5
Итого	2244	100	100	100

Таким образом, если в 1903 г. среди нефтепромышленных рабочих города Баку, которые были подвергнуты бюджетному наблюдению, лезгины составляли 8,4%, то в 1913 г. они уже составляли 9,2%. А общее число всех дагестанцев в нефтяной промышленности в городе Баку в 1910 г. насчитывало 2850 человек, т. е. 8,2% всех постоянных рабочих и служащих Бакинского нефтепромышленного района составляли дагестанцы [1, с. 11].

Дагестанцы уходили на заработки в Баку потому, что в Дагестане обрабатывающая и добывающая промышленность только зарождалась, а в Баку в то время они находили хороший заработок в связи с большим недостатком рабочей силы.

В Дагестане предприниматели проводили последовательно колониальную политику в рабочем вопросе. В большинстве промышленных предприятий работали привозные рабочие. Рыбопромышленники завозили рабочую силу с Северного Кавказа и более дешевую из Персии. На фабрике, на холодильнике, бондарных заводах в основном работали недагестанцы.

Удельный вес коренных дагестанцев в 1913 г. достигал в общем количестве рабочих не более 10% [2, с. 164].

Условия жизни рабочих Дагестана в конце XIX в. и условия труда были невыносимо тяжелыми.

Условия работы, применение женского и детского труда, национальная дискриминация, охрана труда, страхование рабочих и т. п. зависело от произвола и беззакония промышленников. Нищенская заработная плата, 10–14-часовой рабочий день, отсутствие всякого культурно-бытового обслуживания, невыносимые жилищные условия, штрафы, телесные наказания, увольнение без расчета и т. п. были обычными для рабочих.

Социально-экономические условия этого периода в Дагестане обрекали рабочих и их семьи на материальные лишения, нечеловеческие условия труда и бескультурье.

В промышленности Дагестана широко был распространен ручной труд.

Особенно тяжелыми были в Дагестане условия рабочих-персов – иранских азербайджанцев. Наем рабочих-персов в рыбной промышленности в 1912–1914 гг. производился через подрядчиков, которые их всячески эксплуатировали и обсчитывали. При этом они имели с рабочими свои особые соглашения и расчеты, в которых фактический заработок подобных рабочих учесть было невозможно.

Словом, рабочие-персы находились в полной власти своих «тамалов», которые были ответственными перед хозяевами за качество поставляемых ими рабочих. Они творили над рабочими жестокий суд и расправу и, помимо всего этого, удерживали в своих руках львиную долю заработка рабочих.

Реально сверх платы рабочие-персы получали натурой до 1 ф. чая, 2 ф. сахара в месяц и 1 чурек и 3,5 ф. муки [2, с. 164].

А условия найма русских рабочих неводчиков, садильщиков, пекарей, бондарей и других были иными: неводчики получали от 20 до 40 руб. в месяц, бондари от 25 до 40 руб., пекари от 18 до 20 руб. на своем содержании. Солильщики получали от 70 до 200 руб. в месяц и плюс 2–3 руб. с чана посоленной сельди. Женщины на хозяйском содержании получали от 10 до 12 руб. в месяц.

Рабочие горцы получали: лямочники от 16 до 17 руб., весельщики и бахильщики от 18 до 20 руб. и кормщики от 22 до 26 руб. в месяц на хозяйском содержании [4, с. 64].

Таким образом, национальная дискриминация на рыбных промыслах ярко прослеживалась в различном уровне заработной платы рабочих различных национальностей. Дагестанцы получали за одну и ту же работу заработную плату меньше, чем русские рабочие, но больше, чем рабочие-персы.

Рабочий день на рыбных промыслах длился до 16–18 часов, ибо их работа зависела от погоды и обильности лова, они иногда работали ночью переутомленные, выбиваясь из последних сил.

Вся работа на рыбных промыслах производилась вручную, единственным орудием лова был невод, в зависимости от длины которого рабочим приходилось напрягать свои силы, чем больше был невод, тем труднее было его тянуть.

На промыслах отсутствовала квалифицированная медицинская помощь, нормальные санитарные условия, пренебрежительно относились к культурным запросам рабочих и т. п.

Не лучшими были условия рабочих-бондарей. Предприниматели нанимали их два раза в год – в мае и ноябре. Расценки зависели от улова. Чем больше улов, тем выше устанавливались расценки.

Обычно бондари получали 15 коп. за выработанную осьмушку, 20 коп. за четвертушку и 25 коп. за полутарку, в то время как бочонок стоил в среднем не меньше 2 руб. К тому же бондари должны были сами приобретать необходимые для работы инструменты, и за износ их они ничего не получали [9, с. 220].

Разумеется, такой заработок был рассчитан на нищенское существование. Кроме того, бондари работали сезонно, а остальное время года они должны были прожить на сбережения ранее заработанных денег.

Во время сезона бондари работали от зари до зари, а по воскресениям ремонтировали инструменты.

В весьма тяжелых материальных условиях жили рабочие фабрики «Каспийская мануфактура». Низкая заработная плата, высокие штрафы, массовые увольнения, непомерно длинные рабочие дни тяжело отражались на жизненных условиях рабочих.

В 1913 г. заработная плата различных групп рабочих была следующей:

1.	Ткачей	72 коп.
2.	Банкабр.	87 коп.
3.	Запасных	60 коп.
4.	Слесарей	1 руб. 44 коп.
5.	Ватерщиц	70 коп.
6.	Пом. ватерщ.	63 коп.
7.	Запасных	41 коп.
8.	Подмаст.	от 1руб. 10 коп. до 1руб. 70 коп.

Вспомогательные рабочие получали от 50 коп. до 99 коп.

За малейший допущенный брак подвергали высоким штрафам вплоть до увольнения с работы. Нередко подвергали штрафам за «невнимательность в работе, к начальству» и т. п. В результате штрафов и других вычетов рабочие нередко оставались «должны» фабрике.

Работали в две смены. Например, в 1913 г. фабрика работала семь месяцев в две смены по 9 часов и пять месяцев в одну смену по 10,5 час [9, с. 219].

Такими же трудными были условия рабочих и других промышленных предприятий Дагестана.

Чрезвычайно низкий уровень заработной платы не обеспечивал рабочему достаточных средств, чтобы покрыть расходы, связанные с жизненными потребностями. Поэтому рабочие раньше были вынуждены покрывать нехватку средств в семейном бюджете сверхурочными работами, штучной работой на дому и пр. Для этой цели нередко к работе привлекали и остальных членов семьи вплоть до несовершеннолетних детей.

Около 90% общего заработка рабочего и членов его семьи расходовалось на элементарно необходимые материальные потребности и почти ничего не оставалось для удовлетворения его культурных запросов. Особенно тяжелыми были жилищные условия рабочих Дагестана.

По мере увеличения населения городов республики ухудшались и без того невыносимые жилищные условия. Большинство рабочих вынуждены были жить в неблагоустроенных, грязных, мрачных и сырых подвалах и полуподвалах.

Рабочие кварталы, которые в основном были расположены на окраинах городов, были лишены элементарных удобств и находились в грязи и темноте.

В невыносимо тяжелых жилищных условиях жили рабочие рыбной промышленности Дагестана. Не все промыслы были обеспечены казармами, а в имеющихся нескольких примитивно построен-

ных казармах жили по 60–80–100 человек. В них была нарочная система, совершенно отсутствовали койки. Все жили вместе. Здесь же размещалось отделение для семейных. Не хватало постельных принадлежностей, рабочие располагались на соломе. В казармах не имелось отопления, освещения. Рабочие находились в грязи, и соблюдать какую-либо гигиену они не имели возможности. На промыслах отсутствовали бани, прачечные и т. п. Таким образом, казармы при промыслах являлись рассадниками инфекционных болезней.

Не в лучших условиях жили рабочие «Каспийской мануфактуры». Большинство рабочих жили в неблагоустроенных хозяйских квартирах, многие бессемейные снимали углы, и те, которые имели квартиры, находились в тесноте. Семья из 5–7 человек жила в одной комнате. В рабочих кварталах не было воды, канализации и других жилищно-бытовых удобств.

В рабочих поселках отсутствовало благоустройство улиц, садов, озеленения и т. п. Рабочие помещения не ремонтировались и находились в совершенно запущенном состоянии. Благоустраивались и ремонтировались в городах лишь кварталы, населенные буржуазными зажиточными элементами.

Несмотря на такие крайне тяжелые жилищные условия рабочих республики, цены на квартиры были очень высокие. За жалкие услуги рабочие должны были платить большие деньги. Они поглощали большую часть бюджета семьи рабочего, составляя в среднем 18–20% заработка, а у рабочих, которые жили на хозяйских квартирах, услуги за квартиру (аренда помещения, отопление и освещение) обходились еще дороже, около одной трети всего их заработка [9, с. 219].

Чтобы представить, каким бременем это ложилось на бюджет семьи рабочего, можно для сравнения взять то обстоятельство, что в настоящее время расходы на квартирную плату и коммунальные услуги составляли в начале 60-х гг. XX в. в среднем 4–5% общего бюджета рабочей семьи [3, с. 343].

Плохо обстояло дело в это время в Дагестане и с удовлетворением потребностей рабочих в одежде. При низкой заработной плате и больших затратах, связанных с условиями быта рабочих того времени, рабочий не всегда имел возможность одеваться сколько-нибудь прилично. Основная масса рабочих Дагестана покупала поношенные платья и обувь, ибо покупка новой одежды была им не по карману. Расходы на одежду и обувь составляли в среднем лишь 10–12% всей суммы расходного бюджета семьи. Разумеется, при таких обстоятельствах рабочий не мог рассчитывать на новую одежду.

Большинство рабочих, особенно те, которые были связаны с деревней (т. е. те, семьи которых оставались в деревне, а сами работали в промышленных предприятиях), одевались в костюмы, сшитые из домотканых грубых сукон и овчинных шкур. Ибо удельный вес расходов, связанный с одеждой и питанием, в общей сумме расходного бюджета зависел от того, совместно ли рабочий проживает со своей семьей или семья его находится в деревне.

Рабочие за станком и дома носили одни и те же обноски, а о производственной одежде не могло быть и речи. Даже на рыбных промыслах, хотя бы на трудных участках работы, рабочих не обеспечивали одеждой и обувью. Из-за неимения спецобуви неводчики работали босиком, ибо они всегда по колени находились в воде.

Сезонные рабочие, которые вербовались из деревень, в конце путины возвращались домой в тряпье.

Не лучше обстояло дело с питанием рабочего. Основную часть своего заработка рабочие тратили на питание. У большинства рабочих она составляла более половины. Разумеется, качество пищи было самое низкое и малокалорийное. Питание

рабочей семьи отличалось однообразием. Оно как в количественном, так и в качественном отношении далеко не удовлетворяло потребностей рационального питания работника физического труда.

Тяжелые материальные условия жизни рабочего вынуждали его систематически недоедать, что приводило к постепенному истощению организма. Питание рабочей семьи состояло из самых дешевых продуктов. Особенно преобладала молочно-растительная пища. В рацион рабочего входили черный хлеб, вегетарианские супы из разных круп, селедка и растительное масло. Сливочное масло, мясо считались лакомыми блюдами, которые употребляли в торжественных случаях.

В пище рабочих-горцев преобладали в основном национальные блюда – хинкал из пшеничной и кукурузной муки, а русские рабочие употребляли сало.

Тяжелые условия жизни, принудительный труд, длинный рабочий день, плохие жилищные условия и низкий культурный уровень конца XIX – начала XX в. побуждали рабочего к употреблению алкогольных напитков. Особенно к этому были склонны русские рабочие, ибо многих верующих горцев немного удерживал «гьарам» (табу) мусульманской религии, которая запрещала употребление алкоголя.

Большинство рабочих из местных национальностей проживали в городах одинокими, а семьи их оставались в деревне, цепляясь за свой клочок земли. Материальные условия жизни этой категории рабочих были намного хуже тех рабочих, которые жили совместно со своими семьями. Расходный бюджет одиноких рабочих был в несколько раз больше, чем у семейных. Они свыше четверти своего заработка отсылали в деревню, чтобы помочь родным уплатить налоговые платежи за землю, хозяйство и прокормить большую семью.

Посылка денег в качестве помощи родным ухудшала и без того тяжелые условия жизни дореволюционного рабочего, а брать в город семьи одинокие рабочие не имели возможности из-за жилищной неблагоустроенности.

Таким образом, положение рабочего класса в дореволюционном Дагестане было невыносимо тяжелое. Трудные условия найма и организаций труда, тяжелые бытовые условия, особенно жилищные, скудная одежда и питание принуждали рабочих бедствовать и скитаться из одного предприятия в другое, чтобы прокормить себя и содержать большую семью.

Крайняя нужда и жалкое существование тормозили процесс складывания и развития новых форм семейной жизни и обрядности в рабочей среде дореволюционного Дагестана.

Националистические тенденции, отсутствие межнациональных браков, религиозная идеология способствовали торможению интернациональных тенденций в среде рабочего класса.

Особенно этому способствовала политика национальной дискриминации, которая неуклонно проводилась в Дагестане в рабочем вопросе. Она прежде всего прослеживалась в условиях найма, в оплате труда в производственных условиях, в жилищно-бытовых условиях русских, персов и дагестанских рабочих.

Коренные сдвиги в быту рабочих, образование новых форм семейной жизни, изменение жизненного уклада рабочих, их материальной культуры, производственного и общественного быта могли произойти только с изменением социального строя общества особенно в первой половине XX в.

Таким образом, в конце XIX в. промышленность Дагестана была развита очень слабо и находилась лишь на стадии возникновения. Объем промышленности сводился лишь к незначительным предприятиям полукустарного типа и несколько хищнически эксплуатировавшимся.

Одним из многих тормозящих факторов в промышленном развитии Дагестана явилось чрезвычайно тяжелое положение быта рабочих кадров Дагестана в конце XIX в. Разительные перемены в промышленном развитии, в домашнем и производственном быту рабочих Дагестана произошли только лишь в первой половине XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дагестан к 15-й годовщине Октября. Махачкала, 1932.
2. Дагестанская промышленность за пять лет (1920–1925). Махачкала, 1925.
3. Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1957.
4. *Милованов Г. И.* Очерк формирования и развития рабочего класса Дагестана. Махачкала, 1963.
5. *Нахшунов И. Р.* Экономические последствия развития капитализма в России и Дагестане. Махачкала, 1963.
6. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1.
7. Условия быта рабочих в дореволюционной России. М., 1958.
8. ЦГА РД. Ф.1-п. Оп. 16. Д. 1053. Л. 2.
9. ЦГА РД. Ф.1-п. Оп. 4. Д. 113. Л. 219.
10. ЦГА РД. Ф. 26. Оп. 2. Л. 8.